ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ: ЭТНИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ (материалы «круглого стола», декабрь 2002 г.)

9–20 декабря 2002 г. в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации прошли очередные курсы повышения квалификации преподавателей отечественной истории и истории государственного управления в России региональных академий государственной службы и их филиалов. Программа курсов «Новые подходы к изучению истории в системе вузовского и поствузовского образования», кроме академических лекций по актуальным проблемам отечественной истории, содержала немало активных форм занятий: дискуссии, «круглые столы», обсуждения учебно-методических пособий и материалов и т. д.

Слушатели были ознакомлены с результатами социологических опросов населения Российской Федерации, проведенных в 2001 и 2003 гг. Социологическим центром РАГС совместно с кафедрой истории российской государственности по теме «Историческая память российского населения». С учетом изученных материалов был проведен «круглый стол» с участием преподавателей. На наш взгляд, материалы «круглого стола» представляют определенный интерес для читателей вестника «Социология власти».

Для обсуждения в рамках «круглого стола» были предложены следующие вопросы. Как Вы считаете, к каким периодам истории России люди проявляют наибольший интерес; Считается, что история России часто искажается. Так ли это? И в чем, на Ваш взгляд, выражается это искажение; Какую роль, по Вашему мнению, играет историческая память в формировании мировоззрения населения и отдельной личности; Как Вы оцениваете уровень исторических знаний различных категорий населения России (интеллигенции, студентов и учащейся молодежи, предпринимателей, наемных работников, государственных служащих, учителей истории); Как Вы полагаете, умеют ли люди улавливать причинно-следственные связи в историческом процессе; Каково место этнического фактора в формировании исторической памяти; Национальна или наднациональна историческая память; Каково Ваше отношение к освещению исторических событий в учебниках общеобразовательных школ и вузов.

В работе «круглого стола» приняли участие: **Амелина В.В.** – доцент кафедры гуманитарных основ государственной службы, к.и.н., Сибирская АГС; **Глазков А.П.** – преподаватель кафедры «Гуманитарное и муниципальное строительство», филиал Волгоградской АГС, Астрахань; **Елдашев А.М**. – старший преподаватель, Институт государственной службы при Президенте Республики Татарстан; **Димитриев И.А.** – преподаватель кафедры гуманитарных

дисциплин, филиал Волго-Вятской АГС, Чебоксары, Чувашская Республика; **Кириллов А.В.** – доцент кафедры истории и мировой политики, Северо-Западная АГС; **Малахова Г.Н.** – д.и.н., профессор, директор Пятигорского филиала Северо-Кавказской АГС; **Нечаева С.В.** – зав. кафедрой гуманитарных и естественно-научных дисциплин, филиал Уральской АГС, Челябинск; **Пивненко Р.Р.** – первый зам. директора Карельского филиала Северо-Западной АГС, к.и.н.; **Постников А.С.** – к.и.н., доцент, Уральская АГС; **Липатова О.В.** – аспирант кафедры истории российской государственности, 1 курс, РАГС.

Ведущие «круглого стола» – Тимофеев П.Т., д.и.н., профессор, зам. зав. кафедрой истории российской государственности; Ефанова О.А., к.ф.н., доцент, зав. сектором Социологического центра РАГС.

Кириллов А.Я. Я попытался ответить на все предложенные вопросы, но достаточно лапидарно, в виде тезисов. И первый тезис о предмете истории как таковой. Справедливо ли мнение, что история – наука конъюнктурная? Она всегда была таковой и обслуживала интересы властных элит и продолжает это делать. Правда, есть надежда, что эта ситуация изменится. Она изменится не потому, что изменилась внутриполитическая ситуация в нашей стране, а потому, что мы начинаем сталкиваться с таким явлением, как учитывание повседневной истории. Новые методы в источниковедении дают сегодня колоссальный прирост такого знания, я имею в виду компьютерные базы данных. По разным полям мы можем получить совершенно неожиданные выводы о том, как конкретный человек имярек жил, предположим, в городе Любеке, как он платил налоги, как жил рядом с ним другой и т. д. Мы видим конкретный срез этой жизни, конкретной исторической эпохи, в каком-то конкретном месте. Мы понимаем жизнь этого общества не через какую-то классовую борьбу, не через героику, а через конкретную жизнь, являющуюся повседневной историей.

Мне представляется, что источниковедение стоит на пороге революционных потрясений. И вот когда это произойдет, тогда откроются новые горизонты и в прошлое уйдет представление, что история – наука конъюнктурная, а пока она таковой является.

Это особенность не только советского периода истории. Мы знаем, что до 1905 г. скрывался год убийства Павла I. Мы знаем также, что английская историография всячески скрывала мерзости подавления восстания сипаев, что в американской историографии скрывались и до сих пор пытаются скрыть все мерзости, связанные с подавлением сопротивления индейцев.

Историческая наука, как я уже отметил, всегда обслуживала интересы властных структур и поэтому всегда была служанкой чьих-то политических интересов. Эту особенность всегда следует учитывать.

Когда мы изучаем российские исторические документы, российское законодательство, мы видим там в изложении власть имущих

одну позицию. Но, как всегда в России водилось, на самом деле реальные события были далеки от законодательных актов, официальных документов. Мы увидим одну позицию, а если мы будем изучать воспоминания современников или еще какие-то цифры, факты, статистику, то увидим, как это отличалось.

Кстати сказать, это продолжается и в современной истории. Мы видим прекрасные документы, которые якобы отражают волю Правительства, а на самом деле на практике все настолько искажается, что я думаю, и последующим исследователям тоже будет трудно разобраться в том, что происходило в наше время, несмотря на огромное количество документов.

Пивненко Р.Р. Как мне представляется, по мере продвижения вперед, события, которые отдаляются от нас во времени, в исторических изданиях спрессовываются так или иначе. Особенно это касается учебной литературы. Поэтому очень важно выделять главный результат, главный итог влияния того или иного события на последующее развитие событий. У нас господствовала и сегодня имеет место практика двойного подхода. События оцениваются с одной стороны и с другой стороны, и в результате, когда мы даем итоговую оценку, она не получается. Мы для себя усложняем способ выделения главного в деятельности той или иной исторической фигуры, в том или ином историческом процессе, в какой-то определенной эпохе.

Я знаю, что в 1965 г. такой консервативный поворот в исторической науке был связан с отходом от «хрущевской оттепели», ряд партийных идеологов как раз предлагали именно этот вариант, утверждая, что нужен такой сбалансированный подход. Я не считаю, что сбалансированный подход является правильным, он нечестный. Это первое.

Второе, (я повторю то, о чем уже говорил при обсуждении вопроса о необходимости динамики) динамика в плане закрепления новых исторических знаний и их анализа. Все-таки за годы, которые у нас сегодня подвергаются критике – годы перестройки, – историческая наука накопила, я считаю, много нового. Мы многое узнали, многое попытались осмыслить, наметить какие-то новые подходы. Сегодня прослеживается тенденция наличия множества разных точек зрения, которые потом попадают в обобщенную учебную литературу.

Прекрасно, что есть много точек зрения на одну и ту же проблему, но все-таки должен быть отход от явно устаревших, явно догматизированных подходов. Нельзя повторять то, от чего отказались уже в середине века и сегодня снова поднимать это на щит.

Волей-неволей исторический процесс получается искаженным. Такое ощущение, что мы это уже проходили и мы прыгаем в эту реку второй раз.

Глазков А.П. Я соглашусь с коллегами, которые здесь высказали мнение об искажении отечественной истории. Но мне хотелось бы порассуждать о том, где, кем и почему история искажается. Если мы говорим, что исторические факты и события искажаются в средствах массовой информации или в учебниках, то мы также должны разобраться в причинах, почему это происходит. На мой взгляд, причины здесь не только во власть имущих. Все зависит от мировоззрения того, кто пишет эти исторические материалы и обобщает их в исторических произведениях. Вместо формирования объективной картины исторического процесса через изучение фактов и событий читателю нередко навязывают чей-то мировоззренческий подход, что достаточно тревожно.

Конечно, нужна объективность, объективность и еще раз объективность при изучении сложного и противоречивого исторического процесса. Я соглашусь с А.В.Кирилловым. Действительно, если мы будем поднимать пласты всех форм повседневной жизни, того, что составляет срез цивилизации, тогда это будет какой-то критерий, который способствует пониманию исторического процесса и формированию исторической памяти.

По поводу вопроса: умеют ли люди улавливать причинно-следственные связи в историческом процессе? Я считаю, что каждый человек умеет улавливать причинно-следственные связи в силу того, что он человек, у него есть разум и способности. Другое дело, хочет ли он это делать или научили ли его улавливать эти причинно-следственные связи. Здесь я соглашусь с коллегами, которые выступали. Например, большая часть заочного отделения, все люди самостоятельные, у них есть свое мнение, и они его высказывают. Другое дело, может быть, уровень понимания этих причинно-следственных связей. Есть поверхностный, психологический, онтологический и т. д. Очное отделение – обычно это люди, которые учат, зубрят, этот вопрос может их поставить в тупик.

Я соглашусь тоже, что зачастую могут детально все расписывать, а когда задаешь вопрос «Почему?» – молчание, мол, этого в учебнике не было или, допустим, в лекции не прозвучало. Наша задача – научить улавливать эти связи в нужном направлении, так, чтобы наше государство не разваливалось, а продолжало укрепляться. В этом залог нашего благополучия в будущем.

Малахова Г.Н. Позвольте мне высказать несколько соображений по вопросу: «Каково место этнического фактора в формировании исторической памяти? Национальна или наднациональна историческая память?».

Может быть, в силу того, что я занимаюсь историей многонационального Северо-Кавказского региона, который имеет прямые вы-

ходы на историческую память народов России, я хочу высказать следующее утверждение: историческая память, конечно, национальна, и место этнического фактора в ней заметно. Отношение народов к истории формируется через патриотизм, истоки своего народа, своей культуры, быта, традиций.

Любой народ, любой этнос воспринимает свое прошлое через историю собственного народа, через место этого народа в тех или иных событиях. В истории народов Северного Кавказа это видно очень наглядно. События прошлого, история XVIII или XIX веков трактовались даже в учебниках по-разному. То царская власть защищала народы Кавказа от иноземцев, то она была душителем народов. Особенно это касалось периода самой продолжительной Кавказской войны 1817–1864 гг. В современных условиях события и факты этой войны трактуются иначе, чем в советское время.

В советский период во всех изданиях интеллигенция национальных республик Северного Кавказа доказывала, что мы навеки с Россией, что Россия – наш друг, брат, она нам столько дала. И вместе с тем, как только распался Советский Союз, те же самые представители национальной интеллигенции, политики, этнические лидеры с высоких трибун стали доказывать и утверждать обратное. Вот вам феномен исторической памяти. Поскольку реальным документам, фактам, событиям, которые свидетельствуют о сложном и многоплановом историческом процессе развития народов Северного Кавказа не уделяется достаточное внимание, забывается все то доброе, что было сделано по отношению к ним на разных исторических этапах, и выпячиваются только негативные события и факты. Подрастающее поколение воспитывается в духе «обиженного народа». Веками сложившиеся традиции зачастую возрождают в памяти народа не столько позитивные стороны совместной борьбы и сотрудничества, сколько противостояние и неприязнь к другим народам.

Нельзя, конечно, не учитывать, что мировоззрение горских народов во многом объясняется географической средой, историческими традициями, менталитетом, особенностями. Здесь географический фактор имеет очень существенное значение, и Россия очень долго не понимала ментальности горцев.

Что считалось дикостью с точки зрения православной религии, то у горцев, в связи с их ментальностью, с тем, что они жили в особых условиях, считалось доблестью и честью. Например, единственным источником их существования, вернее, не единственным, а очень важным, одним из важнейших, была набеговая система, которая православным обществом расценивалась как прямой грабеж. Но они так воспитаны. Географическая среда вынудила их вести такой образ жизни, потому что там не было возможности зани-

маться товарным производством, земледелием, другими видами производства.

Димитриев И.А. Я тоже являюсь представителем национального региона – Чувашии, и должен сказать, что, наверное, приведенный пример с народами Северного Кавказа – это пример крайне обиженного отношения к России, синдрома обиды.

В Чувашии тоже было не все гладко в прошлом: были самые разные притеснения – и насильственная христианизация, и налоговое бремя, и прочее, т. е. элементы национального угнетения имели место быть. Однако такой резкой реакции, как мы видим со стороны кавказских народов, в Чувашии мы не наблюдаем. История Чувашии в массовом сознании населения в его исторической памяти воспринимается в русле истории России, и Чувашия не склонна себя выделять из российской истории. Все националистические движения, националистические настроения конца 80-х – начала 90-х годов в Чувашии, хотя и имели место, но достаточно быстро угасли, не получив широкой поддержки в народе. Мне кажется, что у разных народов может быть разное отношение к своему историческому прошлому, разное отношение к России, к тем или иным событиям. Поэтому тут надо дойти до более глубоких причин, почему у одних народов в исторической памяти сформировалось негативное отношение к России, к другим народам, а у других – позитивное. Историческая память чувашского народа в большой степени связывает историю Чувашии с историей России. Да, мне это очень нравится и слава Богу, что Чувашия такой относительно спокойный регион, по сравнению с Кавказом. Мне кажется, должны быть какие-то глубокие исторические или этнические причины такой неоднозначной исторической памяти разных народов, которые входят в Россию. Эти причины представляют собой интересную проблему, почему при приблизительно одинаковом отношении российских властей у одних народов сформировался синдром обиды, а у других нет.

Постников А.С. У меня лично к проблеме исторической памяти интерес очень прагматический. Основной контингент, с которым я работаю, это студенты первого курса академии госслужбы. На протяжении 10 или даже 12 лет они приходят ко мне в начале года и получают маленькие опросники. В них два уровня того, что я хочу узнать.

Во-первых, я прошу их расписать свою родословную, желательно с указанием имен, отчеств, примерные годы жизни и место жительства. Это один пласт. Во-вторых, ответить на точечные вопросы, скажем, по отечественной истории, которые ставятся не в лоб, а косвенно, чтобы понять, есть в их головах какая-то связь между событиями истории.

На протяжении десяти лет констатирую: связь времен распадается очень быстро. У меня есть студенты, которые не могут вспомнить имя и отчество деда и бабушки. Мне кажется, именно здесь мы сталкиваемся с проблемой исторической памяти. Прямая историческая связь – мои родители, родители моих родителей, где и когда они жили, чем они занимались, какие в жизни были потрясения.

Хотя я профессиональный историк, по своей родословной я «дополз» только до конца XVIII века, когда мои предки по отцовской линии попали на Урал, будучи переселены из Тульской губернии. Все, дальше я пытался в Тульскую губернию залезть, ничего не получается.

Проблема родословной истории – очень острая проблема именно России и российской исторической памяти. Пока человек не будет чувствовать себя лично укорененным в истории, все наши вопросы о том, как он относится к Петру I, к Отечественной войне 1812 г., к войне 1941–1945 гг., будут пустыми, потому что за ответами на эти вопросы не будет стоять личной исторической памяти данного человека, который вдруг прозревает, что, оказывается, какой-то его предок был участником Бородинского сражения. И тогда война 1812 г. будет не фактом, который он из учебника почерпнул, а прочувствованная связь истории поколений.

Вторая проблема – это тенденция, которая четко фиксируется у студентов, – аполитичность. Она приобретает тотальный характер нежелания знать вообще, что происходит в стране и за ее пределами. По моим наблюдениям, 90% студентов ни на какие выборы не ходят принципиально: «Меня это не касается, пусть они там суетятся и т. д.».

Эта аполитичность – еще один фактор, который ведет к падению интереса к истории, к исчезновению исторической памяти, поскольку их перестает волновать и современность.

Я не знаю, что с этим делать, хотя у меня есть какие-то методы. Раз мы обсуждаем проблему исторической памяти, мой ответ является утверждением, что историческая память у нас отражает трагичность нынешней ситуации, когда страна оказалась, грубо говоря, неизвестно где, неизвестно куда идущей, и реакция людей в повседневной жизни – это уход в свои личные проблемы.

Елдашев А.М. Я поддержал бы А.С.Постникова в первой части, а во второй выступил бы оппонентом. В первой части, когда он работал над своей родословной, он дошел до конца XVIII века, а я на сто лет глубже, работая в архиве. Через архивный фонд я установил родословную по материнской линии.

Изучая родословную, я пришел к мысли, что жизнь наша очень коротка, а память еще короче. Через 20 лет приезжаешь в родную Бугульму, где я работал в горкоме, спрашиваешь у студентов: кто был 20 лет назад первым секретарем, председателем исполкома?

Уже никто ничего не помнит и не знает. Историческая память, даже семейная, не сохраняется, поэтому я для себя поставил задачу, чтобы каждый после себя оставил бы память, родословную написал, сделал фотоальбомы семейные и т. д.

Как оппонент, я не разделяю мнение предыдущего коллеги об аполитичности молодежи. Думаю, наоборот, в большей степени среди молодежи возрождается интерес к историческому прошлому. Основываясь на том анализе, который я со своими студентами провожу, наблюдая за их работой в читальных залах библиотек или в архивах, я часто вижу у нас в Казани любознательных студентов, изучающих историю России или Татарии, своих родных городов и сел.

Амелина В.В. Я внимательно просмотрела анкету и результаты социологического опроса, проведенного Социологическим центром РАГС, и в большинстве своем они совпадают с моими представлениями. Данные свидетельствуют, что около 40% интересует историческое прошлое России. Работая с разным контингентом, со студентами, с группами взрослых людей по переподготовке и повышению квалификации, убеждаешься в этом. Но этот интерес разный. К чему интерес? Как правило, к тем личностям и к тем периодам истории, когда формировалось имперское сознание, когда формировалась Российская империя, когда правители шли на воссоединение государственной территории и т. д.

Если смотреть, откуда черпают представления о прошлом большинство людей, оказывается, что из учебников и кинофильмов, а специальная историческая литература их интересует мало.

Но откуда же взяться патриотам в нашем Отечестве? Думается мне, что история начинается с семьи. «Дороги, что дедами пройдены, с простыми крестами их русских могил, вот здесь начинается Родина, и дом городской, где я жил» (Симонов). Оказывается, очень многие люди считают, что не надо рушить историю, не надо крушить памятники советской эпохи. 50% опрошенных высказываются против этого. Мы в академии для взрослых слушателей в качестве примерного контрольного задания практикуем выявление своей генеалогии, насколько они могут это сделать. Сначала удивляются, изумляются, потом начинают это делать и понимать значимость такого подхода.

Мы сегодня попытались говорить о методологии истории и видим, сколько проблем – и теоретических, и практических, и методологических. Надобно каким-то образом всерьез, и основательно, может быть, в определенной мере дистанцируясь от политической власти, заниматься изучением этих проблем. Иначе не получается.

Человек теряет историческую память. Чингиз Айтматов создал блестящий образ. Человек фактически превращается в раба, он не

знает, кто он такой, откуда пришел, а если общество теряет память, то общество становится коллективным манкуртом, и что мы, и кто мы? Действительно, перекати-поле. Сколько мы за XX век изменили эти исторические векторы? То, что у нас есть сегодня – сплошной разнобой. Действительно, с чем себя соотносить. Если Первая мировая война, там все «темно», если Вторая мировая война – главный театр военных действий в Африке. Мы вообще никто, и формируется у людей какой-то комплекс неполноценности. Люди бывшие, бывшей Российской империи с ее дворянской культурой, бывшего Советского Союза, все бывшее…

Возьмите другую проблему – репрессии. Искажаются или не искажаются данные о них? Сколько миллионов людей погибло? Ответы разные. И сколько ни скажи – никакой ответственности ни у кого за это нет.

Известно, что большое видится только на расстоянии. Когда мы бежим от объективности, конъюнктурно обслуживая сегодняшний день, сегодняшние события, то это неправильно. Нужно давать себе ответ, что есть политическая наука, есть современный политический процесс, и что есть история, которая имеет дело с чем-то устоявшимся, с чем-то более или менее завершенным. Наверное, этим нужно было бы побольше заниматься. И дистанцироваться, насколько это можно, насколько это позволяет ситуация, от политики, потому что пока, действительно, в основном историческая наука обслуживает политический режим.

Правда, в связи с этим хотелось бы высказаться еще об одном. Я полагаю, что коллеги в этой аудитории – подготовленные люди и наверняка большинство из вас читали работу Роберта Мейси «Как изучают историю в разных странах мира». Обратите внимание, есть американский образ, тысяча вопросов и тысяча ответов на них, но вопросы задаются такие, которые должны знать, с точки зрения государственной идеологии. У американского школьника, американского студента ответ уже закладывает этот базис. У японцев вообще чудеса. Задача исторического образования – «ковать» (слово не мое) их патриотизм. А мы почему-то многих вещей вообще стесняемся, стесняемся сказать о том, что история, не важно – школьная или вузовская, единственная учебная дисциплина, которая формирует гражданина страны.

Постскриптум.

Анализируя материалы «круглого стола», можно выделить ряд проблем, которые более всего волнуют преподавателей истории. Выявление этих проблем представляет особый интерес для исследователей, занимающихся изучением исторической памяти, так как участники «круглого стола» по роду своих профессиональных заня-

тий, с одной стороны, постоянно имеют контакт с историческими представлениями людей разных возрастных категорий, а с другой – сами являются «трансляторами» исторических знаний.

Оживленную дискуссию вызвал вопрос об интересе населения нашей страны к истории. Несмотря на то что большинство выступавших высказали мнение сохранения интереса к истории, участники дискуссии отметили падение этого интереса в ряде регионов страны. Особенную тревогу вызывает у преподавателей падение интереса к истории среди молодых людей. В связи с этим обсуждение сконцентрировалось, по сути дела, вокруг следующих проблем: как и какую историю преподавать, чтобы воспитать гражданина и патриота своей страны. Какая история должна быть отражена в учебниках: история государства, представленная в официальных документах, или история повседневной жизни людей, живших в этом государстве?

Эти вопросы имеют существенное значение, так как большинство людей черпает исторические знания главным образом из учебников. Мнение участников «круглого стола» по этому вопросу было достаточно единодушным: следует отдать предпочтение изучению повседневности. Из этого подхода логично вытекает акцент на изучении истории семьи, родословной конкретного человека, явственно прозвучавший в ходе обсуждения.

Значительное внимание участники дискуссии уделили следующему вопросу: как сформировать объективное представление об историческом прошлом, если сама история – многомерный и многоуровневый процесс, а историческая наука конъюнктурна и во многом зависит от мировоззрения историка.

Материалы «круглого стола» к печати
подготовили *П.Т.Тимофеев, О.А.Ефанова*